

10 годам исправительно-трудовых лагерей. См.: Архив УФСБ РФ по ВО, ф. 3пх, оп. 26, д. 4, л. 135 об.

¹⁷ Архив УВД по ВО, ф. 21, оп. 3, д. 2187, л. 10, 17.

¹⁸ Там же. л. 19.

¹⁹ УФСБ РФ по ВО, ф. 1 пх, оп. 5. П. 2, д. 70, л. 151.

²⁰ Там же, ф. 3пх, оп. 26, д. 4, л. 55.

²¹ РГВА, ф. 1/п, оп. 35а, д. 25, л. 4.

© 2010 г. Л. Н. ПУШКАРЕВ*

ПОБЕДНЫЙ 1945 ГОД ВО ФРОНТОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Каждая историческая эпоха рождает свой фольклор. Создала его и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Тот, кто участвовал в ней, непременно сталкивался с фронтовым фольклором. Я, ушедший на фронт с третьего курса Московского педагогического института им. К. Либкнехта (ныне Московский педагогический государственный университет), оказался в самой гуще солдатской массы. Получив к тому времени начатки высшего филологического образования и увлекшись фольклором, я систематически записывал все, что слышал с целью, как говорят ученые-фольклористы, «наблюдать бытование устного народного творчества в разной обстановке». Так продолжалось всю войну. Для меня она началась в октябре 1941 г. под Москвой и окончилась 9 мая 1945 г. в Германии под Штеттином.

К январю 1945 г. война уже вполне зримо для нас, рядовых бойцов, вошла в свой завершающий этап. К этому времени наша часть в составе 2-го Белорусского фронта вышла на государственную границу СССР. Мы получили очередной приказ: закрепиться на новых позициях. Для солдата это означало – надо выкопать себе спасительный окоп! И вот неожиданно возникла «мода»: бойцы, не сговариваясь, старались разместить каждый свой окоп ближе к старой государственной границе. А комсорг второй роты И.М. Голуб удивил всех: в том месте, где чудом сохранилось обозначение бывшей государственной границы, он разместил окоп так, что половина его приходилась на советскую землю, а другая половина – на территорию Восточной Пруссии! Кем-то тогда же была сочинена и пущена частушка, облетевшая всю роту с необыкновенной быстротой: «Вырыл я себе окоп, / Мне жильё, а фрицу – гроб. / И из этого окопа / Мы пойдём уже в Европу!».

В рамках большой Восточно-Прусской операции, которая продолжалась с 13 января по 23 апреля 1945 г., наша часть прошла буквально через всю Восточную Пруссию по маршруту от реки Буг и далее Цеханце, Млава – Дейч-Эйлан – Мариенбург – Данциг и вышла на побережье Балтийского моря. Многое из того, что мы встретили за рубежом, казалось нам непонятным. Так, столкнувшись с налаженным бытом прусских фермеров, наши бойцы недоумевали: зачем немцы пошли на нашу землю при собственной сытости и благополучии? Ведь они увидели у нас соломенные крыши крестьянских изб вместо крытых черепицей добротных коттеджей, а часто и земляные полы? Но, что показательно: сытый и обеспеченный быт немцев в Пруссии завидным не казался, скорее «чужеродным». Возвращение на родную землю солдатам было дороже всего этого зарубежного благополучия. «На березке есть полоски / И в немецкой стороне. / Только русские березки / Во сто крат дороже мне!» (Записано мною в феврале 1945 г. под Мариенбургом от томича И.В. Семенчихина, 1919 г.р.). Весна 1945 г. в Пруссии была холодной и дождливой, что отразилось в другой частушке от пехотинца-ярославца В.М. Пешкова (1922 г.р.): «Моросят дожди косые / На Штутгартском пути, / Но лучше матушки-России / Во всем свете не найти!».

* Пушкарев Лев Никитич, доктор исторических наук.

Характерной для фронтового творчества первых месяцев 1945 г. была уверенность в скором завершении боевых действий. В этих частушках символом фашистской Германии и всей фашистской армии выступает Гитлер: «Как я гляну на часы – / Половина пятого... / Скоро, скоро разобьем / Гитлера проклятого!». «Скоро, скоро Троица, / Скоро лес покроется, / Скоро Гитлера убьют – / Сердце успокоится!» – пела санитарка из-под Смоленска Лена Зимина, 1923 г.р. А девушки из находившегося рядом с нашей частью полевого лазарета пели уже о другом: «Скоро, скоро наши танки / По Берлину побегут. / Скоро наши чернобровые / На встречу к нам придут!».

Эта тема воплощалась во множестве записанных мною вариантов. В коротких, сочиненных женщинами на фронте четверостишьях сплетались и тягость от военной жизни, и надежды на скорое окончание войны, и мысли о том, что на женщин снова ляжет тяжелый труд в колхозах и, возможно, в одиночестве. Санитарка госпиталя, уроженка Челябинской обл., до войны телятница, Лена Жукова 25 лет, пела: «Скоро кончится война, / Раненых не будет. / Милосердная сестра / Колхозницею будет!». Ей тут же отвечала Зоя Пушкина из-под Воронежа, 18 лет: «Не горюй, моя подруга, / Не горюй, любимая: / Скоро кончится война, / Ты увидишь милого!».

В апреле 1945 г., будучи снова ранен, но теперь легко, я попал на неделю в полевой госпиталь и был поражен тем, как изменился тон устного народного творчества раненных фронтовиков в целом, по сравнению с 1942 г., когда лежал более месяца в госпитале по ранению и контузии. Теперь фронтовой народ был полностью убежден в победе, притом, непременно очень скорой. Многие в тайне надеялись, что уже из госпиталя их выпишут в отставку. Лежавший рядом со мной боец-минометчик «с бывшего Ленинградского фронта» Б.М. Загладин пел: «Подожди еще немного, / Мать-Россия милая: / Разобьем фашистов – снова / Будет жизнь счастливая!».

Я возвратился в свою часть в конце апреля, а спустя декаду наступило 9 мая 1945 г., о котором я расскажу подробнее. Этот день заслуживает особого рассказа. Боевой путь нашей части закончился на самой правой стороне многокилометрового фронта – на побережье Балтийского моря, в небольшом местечке Зассов, недалеко от Штеттина. Первые дни мая прошли для нас спокойно, бои велись под Берлином, у нас было обычное фронтовое затишье, лишь изредка прерываемое ружейной перестрелкой во время случайных столкновений с группами отбившимися от своих частей немецких солдат и офицеров. Утром 9 мая многие просыпались от грохота непрерывных очередей из автоматов. Выскакивали на дорогу – навстречу друг другу шли грузовики с бойцами, которые непрерывно палили в небо из винтовок и автоматов и кричали: «Победа! Победа! »

Чтобы понять, что со мной произошло дальше в эти дни, надо вернуться к 1941 г. Уходя на фронт, я дал себе зарок: не курить, не пить водку и не материться – все это я считал недостойным для интеллигента! Когда я как-то сообщил об этом товарищам, они мне ответили:

– Дурак! Ты что, не знаешь, что в армии даже специальная команда есть: «Перекур!» Все будут курить, а ты что делать будешь?

А я буду на вас смотреть и улыбаться!

– А водку на фронте по 400 грамм выдают – что ты с ней делать будешь?

– А я ее буду во фляжку сливать – про запас, пригодится при случае!

Покрутили ребята пальцами вокруг виска – дескать, парень-то тронулся малость...

Свое слово я сдержал, зарок свой не преступил: не пил, не курил, матом не ругался, «по бабам не шастал» (так выражались на фронте!). Службу старался нести исправно, стал даже примером для своих в части, чему, конечно, очень способствовало то, что был назначен комсоргом всего нашего отдельного воинского соединения. Положение обязывало! Но у меня одна «тайная» мысль была – отслужить на фронте и как можно быстрее демобилизоваться. Поэтому и от присвоения мне офицерского звания сумел не раз отбоариться, так как понимал: офицера сразу из армии не демобилизуют. (Здесь оченьгодились не выпитые граммы водки!).

9 мая очень рано утром меня разбудил вестовой и приказал явиться в расположение роты, где я числился (спал, будучи комсоргом, на офицерских правах, в санчасти). Быстро одевшись, являюсь в роту. Помню большой зал, стол посредине, на нем – граненый стакан, полный до краев водкой, рядом тарелка с куском черного хлеба, луковицей и с открытой банкой американской тушенки. Кругом стола сидят мои друзья-однополчане, все с блестящими глазами и с улыбками. Огромный ростом старшина роты Виктор Исаков (баскетболист под 2 метра, мастер спорта) встает и говорит:

– Товарищ старший сержант! Долго мы удивлялись твоим необычным манерам. Ты не пил, не курил, не матерился, был верен своей девушке и «налево» не ходил. Терпели и все думали: каждый по-своему с ума сходит! Но ты говорил, что когда окончится война, то ты выпьешь за Победу и изругаешь самыми последними словами Гитлера. Выполняй свое обещание!

– Ребята, – сказал я, – конечно, все выполню, но вы же знаете, что ругаться матерно я не умею, а многие из вас – признанные мастера в этой области! Поэтому договоримся: сядьте и напишите каждый от себя, как он способен изругать Гитлера, а я эту ругань зачитаю и запью водкой!

Предложение с хототом было принято. Ребята сгрудились вокруг писаря роты и стали ему вздохом, по очереди диктовать все, что они хотели бы сказать по поводу Гитлера. А тем временем мой большой фронтовой друг Иван Голуб, с Украины, из с. Губиниха Новомосковского района Днепропетровской обл. подсел ко мне и сказал: «Лев, ты срочно ешь побольше тушенки с хлебом и луком: на голодный желудок много водки пить нельзя – сдохнешь». Я послушал его и налег на тушенку. Полчасу спустя ругатели закончили свой труд. Старшина взял в руки лист и говорит: «Читай с выражением!». Взглянул я на лист и обомлел: «Боже ж ты мой! Никогда и подумать-то не мог, что ругательства могут быть такими изощренными и утонченными!». Но отступить было некуда. Я громко вздохнул, взял в руки лист и стал читать громко, отчетливо, с подобающими жестами все, что написали и пожелали Гитлеру бойцы. Долго выдержать мое чтение ребята не могли: комсорг батальона крыл матом! Хохот сотрясал залу. Бойцы хватались за живот, смеялись до слез. Закончив чтение, я поднял стакан водки, вздохнул, откусил луковицу, выпил все до дна и сказал: «Все».

Рядом горел камин (мы заняли пустующий коттедж какого-то эсэсовца, бежавшего вместе с гитлеровцами, и бросившего все свое хозяйство). Передохнув после выпивки, я бросил в огонь листок с ругательствами и проклятиями... Как же я впоследствии бранил себя, что не сохранил этот потрясающий документ!

Не успел закончить, как пришел вестовой и сказал, что меня вызывает командир роты Чумарин. Иду к нему. Вижу на столе стоит стакан водки с закуской. Пришлось ему сказать, что свое обещание я уже выполнил, так что только пригубил стакан, а бутерброд с колбасой съел! Потом меня еще несколько раз хотели водкой напоить, как комсорга, в других подразделениях – всего 6 раз! Первый раз в своей тогда недолгой жизни выпил стакан водки зараз, но, надо сказать, никаких болезненных последствий у меня не было – кроме того, что потянуло на сон. Но поспать не удалось: все шоферы нашей части в тот день перепились вдрызг, и мне пришлось ехать на машине в политотдел дивизии за коробками с кинофильмом. Привез, прокрутили один старый фильм 2 раза (по просьбе бойцов!) – название не помню. На этом закончился для нас последний день войны (вернее – первый день мира!).

Как можно тщательнее я решил собирать теперь устное народное творчество и прежде всего отклики бойцов на окончание войны. Сразу бросилось в глаза: фольклор крайне редко фиксирует дату события. У него другие задачи и иная «система художественности». Но вот 2 даты из истории Великой Отечественной войны и в песнях, и в частушках, отмечены очень явственно и выразительно: 22 июня 1941 г. и 9 мая 1945 г. Весь советский народ в войну распевал: «Двадцать второго июня, / Ровно в четыре часа, / Киев бомбили, нам объявили, / Что началась война.,». После 9 мая 1945 г. посыпались частушки, в которых упоминалась эта дата. На прощальном вечере наша уезжавшая одной из первых медсестра кубанская казачка Леночка Попова (1920 г.р.)

пропела: «Под окном моим цветет / Сирень голубая. / Мы Победы дождалась / Девятого мая!».

25 сентября 1945 г. я, как имеющий уже специальность педагога-словесника, был демобилизован. Экзамены за семестры последнего курса института я подготовил и сдал (благодаря снисходительности экзаменаторов) буквально с винтовкой в руке после разгрома фашистов под Москвой и временной задержки здесь нашей части. Столь уверен я был тогда в скором окончании войны, что хотелось возвратиться в институт без потери года.

Прошли торжественные проводы демобилизованных, нас заново обмундировали, а затем погрузили в столь привычные нам грузовые теплушки, приспособленные к перевозке людей (на пассажирские вагоны мы и не рассчитывали!) Наш эшелон тронулся на Родину... После Бреста на небольшой сильно разбомбленной станции Жабинка, состав остановился, как говорили, «всерьез и надолго». Вскоре рядом с вагоном, находившимся в середине состава поезда, возник стихийный самодеятельный концерт. В нашем поезде ехал гармонист Семен Гордечев, мастер, каких поискать! Начался честушечный «диалог» бывшего бойца-фронтовика и появившейся откуда-то девушки. Диалог был длинным, но я успел почти к самому его песенно-честушечному его началу:

Боец:

Ну, покамест до свиданья,
Кончил фрицев добывать.
На досуге я с милашкою
Буду песни распевать!

Девушка:

Милый с фронта воротился
Мы обнялись на крыльце.
На груди орден светился
И улыбка на лице!

Боец:

Затирайте, бабы, квас,
Ожидайте, бабы, нас:
Мы фашистов перебили –
Эх, соскучились по вас!

Девушка:

Вот и кончилась война,
Победа за нами!
Ко мне миленький придет
С тремя орденами!

Боец:

Вот окончилась война.
Дождались победушки,
Сторонитесь, ребята,
Выходите, девушки!

Девушка:

Милый мой вернется с фронта
Награжденный, боевой,
Пригласит меня он в гости,
Будет пир у нас горой!

На следующей остановке я продолжил записывать частушки: «Скоро миленький придет / Наша встреча впереди. / Он с простреленной шинелью / Красный орден на груди! / Поезд к станции подходит, / Да свисточек подает / Милый раненный выходит, / Леву руку подает!».

Заметив, что я записываю частушки, демобилизованная одесситка Люда Сапронова напела мне: «Скоро, скоро опадает / Белая акация. / Скоро милый мой придет: / Демобилизация!». Вскоре по эшелону распространился слух, что в пятом вагоне едет бывший старший сержант, который собирает самые яркие частушки. Ко мне буквально повалили добровольные информаторы со своими записями. Они же присылали ко мне девушек-частушечниц, которые приходили в наш вагон на остановках медленно продвигавшегося поезда. Вот что записал я от уроженки Вологодской обл. Наташи Курдюмовой, 16 лет:

Неужели заключенье,
Неужели будет мир,
Неужели тот вернется,
Кто мому сердечку мил?
Задушевная подруга,
Где наши высокие?
На них серые шинели
Ремешки широкие!

Скоро с армии придет
Милый ягодиночка.
У крылечка моего
Протопчется тропиночка!
Не дожидаться тех минут,
Когда с армии придут,
Рубашки алые наденут
По деревнюшке пройдут!

Нет смысла публиковать здесь все мои записи, тем более, что они уже публиковались (см. их более полный, но не исчерпывающий перечень в книге: *Пушкарев Л.Н. По дорогам войны: воспоминания фольклориста-фронтовика*. М., 1995. С. 159–165). Свой рассказ об отражении победного 45-го во фронтовом фольклоре закончу публикацией надписей, сделанных на стенках наших вагонов мелом прямо по доскам или карандашом на полях плотно прибитых плакатов, находившихся на вагонах. Там записи делались теми, кто приходил к нам на остановках. И это были главным образом короткие частушки, двестишья. В них звучали слова радости и счастья, ожидания скорой встречи, надежды на долгую, счастливую мирную жизнь после войны... Известно, что послевоенные публикации фронтового фольклора полны безмерным прославлением Сталина. Но это было далеко не так.

Несмотря на осеннюю погоду, мне удалось переписать с плакатов «голоса народа», возвращавшегося с войны: «Встречайте родители, к вам едут победители!»; «Победители домой с фронта возвращаются, столько сразу ухажеров – глаза разбегаются!»; «Родина-мать, готовься встречать! Едут победители и освободители!»; «Под окном у нас цветет сирень голубая. Мы победы дождалась девятого мая!»; «Привет родной земле и слава от тех, кто жизнь принес в Варшаву!»; «Наши славные войска Родину прославили, и в Берлине на рейхстаге красный флаг поставили!»; «Едут в вагоне холостые бойцы, как на подбор, удалыцы-молодцы. Где же ты, девица, русая коса, душечка-лапонька, серые глаза?»; «Все солдаты веселятся, что отвоевались, а девчата тоже рады: женихов дождалась!»; «От Москвы и до Берлина мы вели свои машины. Долг исполнили мы свой, возвращаемся домой!»; «Едет поезд из Берлина с красными вагонами, наши славные солдаты едут эшелонами»; «Прошли дорогами войны через четыре мы страны, но лучше нет дороги той, которая ведет домой!»; «То не ветер пыль несет – то боец домой идет: форма новая на нем, ордена горят огнем!»; «Я знал, что я к тебе вернусь, моя родная Беларусь!»; «Лучше нету той победы над фашистской страной, лучше нету той минуты, как поехали домой!»; «До свиданья, заграница: мне давно Россия снится! И девчата, и ребята, помните про эти даты, года сорок пятого и мая девятого: мы добились, разгромили Гитлера проклятого!»; «Года сорок пятого и мая девятого завершили мы победой *распроклятую* войну!»). Другой вариант этой подписи: «Завершили мы победой *распроклятую* войну!»). В народном творчестве отразились и вера в победу, и трагизм этой войны.